

3/05/
190

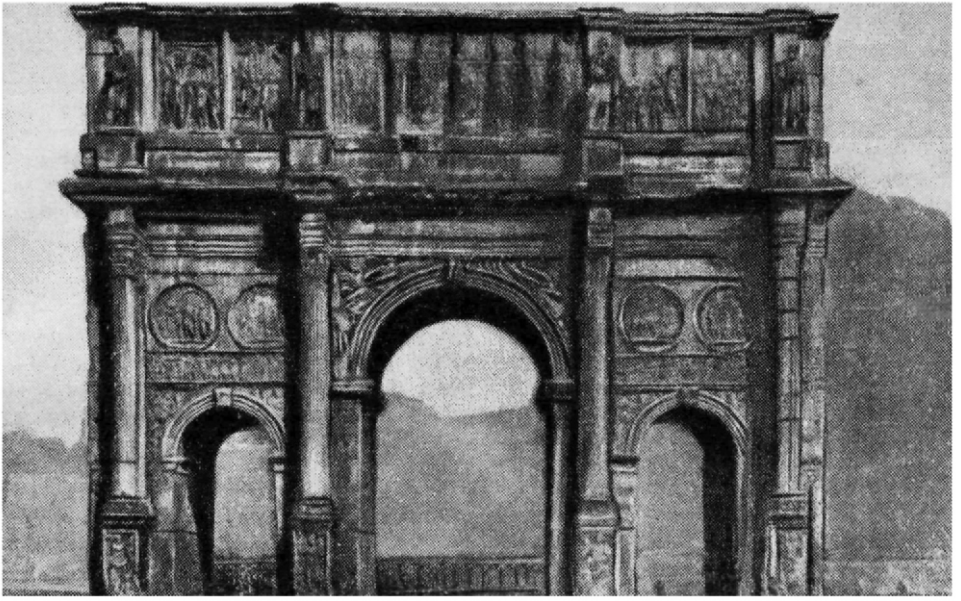
Д. Х.

Исторический Журнал

5

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

ИЖ
Издательство „Правда“
1941

Николай Николаевич Розенталь Римская империя в последние десятилетия своего существования

1

Долгое царствование императора Константина (306—337) было временем, когда римское государство окончательно «превратилось, — по выражению Энгельса, — в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹.

Население империи изнемогало от тяжести бюрократического административного аппарата и многочисленной наемной армии. Немаловажную роль в системе государственного управления стала также играть при Константине официально признанная им христианская церковь. Действие этой сложной машины в конечном счете определялось интересами верхушки господствующего класса рабовладельцев.

Податное бремя населения Римской империи было сильно увеличено еще в царствование Диоклетиана (284—305). Не изменяя налоговой политики своего предшественника, Константин проводил ее с беспощадной жестокостью, так как посто-

янно нуждался в деньгах. Историк Зосим, занимавший в V веке видную должность в императорском казначействе (*advocatus fisci*), утверждает, что Константин «расточал государственные средства, осмыкая подарками и обогащая недостойных и бесполезных людей, что тяжело отражалось на плательщиках налогов»². По свидетельству того же Зосима, Константин с педантичной настойчивостью взыскивал специальные поборы со всех видов торговли, даже с проституток. «Когда приближался срок уплаты подати, производившейся раз в четыре года, — рассказывает Зосим, — можно было повсюду услышать стоны и жалобы. Тогда подвергали бичеванию и другим физическим мучкам тех, которые, по бедности, не могли внести платежей. Матери были вынуждены продавать своих детей, а отцы — честь своих дочерей, чтобы такой ценой приготовить для сборщиков золото и серебро»³.

Не менее безотрадную картину народного разорения, вызванного требованиями ненасытного фиска, рисуют и другие писа-

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 142. 1938.

² Zosimi «Historia nova», I, II, с. 38 1.

³ Ibidem, 2, 3.

тели той эпохи. Автор христианского памфлета начала IV века «О смерти гонителей» говорит о колонах, которых тяжесть налогов заставляла бросать свое хозяйство и уходить в леса, а знаменитый языческий оратор Либаний (314—393) с горечью оплакивает запущенные поля и опустошенные дома землевладельцев.

Своей основной тяжестью налоги ложились на занятых в сельском хозяйстве рабов, колонов, а также на массу мелких и средних собственников. «Самое возмутительное то, что общее бремя несут не все, но бедным приходится платить за богатых и более слабым служить опорой более сильным»¹, — пишет писатель V века Сальвиан Марсельский, характеризуя налоговую систему поздней империи.

Бюджет римского государства основывался главным образом на земельной подати — анноне. Формально ее должны были выплачивать все землевладельцы, но крупные собственники всегда имели возможность переложить ее на тех, кто фактически обрабатывал их земли, — колонов и рабов. Поэтому сами императоры нередко называли аннону плебейской податью (*capitatio plebeia*). Чтобы обеспечить землевладельцев рабочими руками, Константин стал законодательным путем ограничивать свободу колонов, положив начало их позднему превращению в «рабов земли». Именно Константину принадлежит первый крепостнический закон — «О беглых колонах», — изданный 30 октября 332 года. «Колонов, которые вздумают бежать, — читаем мы здесь, — следует, как рабов, заковать в железо, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, которые они раньше несли, как свободные люди»².

Во времена Константина резко углубилась грань между крупными собственниками — членами сенаторского сословия — и всей остальной массой землевладельцев. Наиболее зажиточные из них, не входившие в состав сенаторского сословия, принадлежали к сословию декурионов, представители которого должны были участвовать в муниципальных советах — куриях. Члены курий — куриалы — следили в своих муниципиях за распределением и сбором налогов и в случае недовыборов были вынуждены отвечать за них собственным имуществом. После реформ Диоклетиана эта обязанность куриалов сделалась чрезвычайно обременительной. Неся материальную ответственность за несостоятельных налогоплательщиков, куриалы легко могли сами совершенно разориться. Не удивительно, что имущие люди стали всячески избе-

гать участия в куриях. Поэтому Константин уже в 316 году издал закон, по которому все граждане муниципия, обладавшие соответствующим земельным цензом, не имели права уклоняться от занесения их в список местных куриалов и под каким-либо предлогом оставлять свои курии.

Так было положено начало превращению куриалов в «рабов государства» («*servi publicae*»), бедствия которых так красочно изображал в своих речах Либаний: «Не имея больше золота и серебра, они плачут и продают служанок, продают рабов, сыновей, своих старых воспитателей. Приходят они к себе в поместья, но не так, как раньше, с детьми, а с покупателями... и деньги за продажную землю идут на уплату податей.. После этого для них наступают заботы о прокормлении себя, жены и детей и, наконец, когда все прожито, необходимость просить милосердия»³.

Фискальные интересы государства, то есть, в конечном счете, интересы правящей верхушки рабовладельцев, заставляли римское правительство все более стеснять также свободу торгового и ремесленного люда. И в этой области Константин выступает в качестве главного инициатора политики закрепощения. Ему принадлежит первый из дошедших до нас законов о наследственном прикреплении ремесленников к своим профессиям — закон 317 года о мастерах императорского монетного двора.

Все эти разнородные социальные элементы: колоны, ремесленники, куриалы и пр., — втиснутые государственным прессом в замкнутые тяглые сословия (*ordines*), были обязаны платить свои подати для содержания правящей сенаторской знати и ее военно-административного аппарата.

Верховная власть в римском государстве находилась в руках неограниченного императора, который к IV веку окончательно превратился из «принцепса» — первого гражданина республики — в «доминуса» — господина, владыку. При Константине эта эволюция получила формальное завершение: император окружил себя, по образцу восточных деспотов, пышным придворным церемониалом и стал чеканить на монетах свое изображение с царской диадемой на голове.

Управление империи было организовано бюрократически, через многочисленных чиновников, во главе которых стояли ближайшие слуги императора: начальник «священной опочивальни», заведующий конюшней, императорский канцлер и др.

Развитие бюрократического режима в III—IV веках сопровождалось постепенным упадком старинных органов общественного

¹ Salviianus «De gubernatione Dei», b V, c 7.

² Codex Theodosianus, V 17, 1.

³ Libanius «Orationes», XLVII, 8—9

самоуправления — муниципальных советов (курий). Последние стали служить государству лишь средством исправного взимания налогов. В лучших условиях, сравнительно со всеми куриями, находились сенаты Рима и новой столицы — Константинополя, — основанной Константином на месте перестроенного и пышно украшенного им Византия. Члены обоих столичных сенатов, принадлежа, в отличие от провинциальных куриалов, к высшей знати империи, сумели присвоить себе — законным, а также незаконным путем — различные привилегии финансового и судебного порядка. Представители сенатской знати наряду с личными любимцами императоров занимали все главные посты на государственной служебной лестнице.

На страже классовых интересов господствующей верхушки общества стояли сильно увеличенные при Диоклетиане и Константино наемные войска. Характерным показателем роста революционных настроений населения империи является то обстоятельство, что в IV веке большая часть солдат была размещена во внутренних городах и что на военную службу привлекались главным образом иноземные, преимущественно германские элементы. Правительство больше доверяло наемным варварским отрядам чем собственным поданным!

Несмотря на всю мощь своего военно-административного аппарата императорская власть не могла ограничиться им для удержания в покорности измученных народных масс. Господствующие классы использовали также другое средство воздействия на массы — религию. Однако старинные языческие верования, объединенные императорами в систему римского государственного культа богов, плохо соответствовали новым социальным отношениям. Как прекрасно показано Энгельсом, все религии древности были племенными, народными религиями и, естественно, пришли в упадок вместе с исчезновением самобытности отдельных народов¹. Удовлетворить религиозные потребности многоплеменного населения Римской империи могла только «мировая религия», обращенная ко всем народам без различия, которая, как известно, и возникла в лице христианства.

Зародившись впервые как «религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»², христианство было использовано идеологами господствующих классов для отвлечения масс от революционной борьбы и воспитания их в духе

Константин. Статуя в портике Латеранской базилики в Риме.

терпеливой покорности «поставленным от бога» властям. Чтобы примирить угнетенные народные низы с существующим общественным строем, христианская церковь искусно сочетала проповедь справедливого воздаяния в загробном царстве с практикой благотворительности. Всякое религиозное учение, призывавшее — хотя бы под христианским флагом — к насильственному перевороту, решительно осуждалось руководителями церкви, как ересь. Смешивая ведущее направление в христианстве с различными «ересями», императорское правительство первоначально преследовало христиан, но впоследствии, уяснив себе все преимущества, которые давала христианская религия в деле воспитания покорности в массах, изменило свою тактику. Вместо того чтобы бороться с христианской церковью, оно заключило с ней тесный союз. Первым императором, твердо вступившим на путь новой религиозной политики, был опять-таки стремившийся укрепить свою власть Константин, который «убедился, что принять эту бессмысленную религию — лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира»³.

В царствование Константина христианское духовенство получило ряд привилегий и фактически вошло в состав правящего государственного аппарата: все клирики были освобождены от налогов и муниципальных повинностей; епископы сделались ближайшими сотрудниками и советниками

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 602—610.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 409.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 603.

императора Христианская церковь стала официальной церковью. Со своей стороны, христианская церковь не замедлила благословить римский социально-политический строй и призвать своих приверженцев к самоотверженной защите его. Враги государства становились также врагами церкви.

Со времен Константина классовая борьба в Римской империи приняла ярко выраженную религиозную окраску. Преследуя противников официальной церкви, императоры преследовали в их лице тех, кто отрицательно относился к освящаемому ее авторитетом режиму. Недовольные народные низы стали объединяться большей частью под идейным руководством различных демократических сект (ересей), а оппозиционные настроения консервативных прослоек эксплуататорского класса способствовали возрождению симпатий к умирающему язычеству.

Таковы социальные корни острых религиозных конфликтов, происходивших в Римской империи в царствование преемников Константина. Эти конфликты осложнялись столкновениями между руководителями официальной церкви, вызванными борьбой за власть, протекавшей часто под флагом борьбы за различное толкование отдельных догматов.

2

После смерти Константина в 337 году его сыновья Константин II, Констант и Констанций — начали свою деятельность с того, что лишили жизни большую часть своих родственников (в том числе младшего брата покойного императора Константина I — Юлия Констанция). Таким путем было уменьшено число возможных претендентов на верховную власть. Коронованные убийцы оставили в живых из всех мужских отрпрысков константинова рода только двух сыновей Юлия Констанция — двенадцатилетнего Галла и шестилетнего Юлиана. Но жизнь этих мальчиков долгое время находилась под угрозой. У них было конфисковано их наследственное имущество, а сами они были отправлены, под надзором шипов воспитателей из христианского духовенства, в глубь Малой Азии в каппадокийское императорское имение Мацеллум.

После этого сыновья Константина заново поделили между собой доставшиеся им по наследству области. Но вскоре между ними начались раздоры, вызванные как их соперничеством, так и интригами их приближенных, в частности руководителей христианской церкви. В результате вспыхнувшей в 340 году междоусобной войны погиб Константин II, после чего у власти

остались только два августа — Констант и Констанций.

Они продолжали в основном политику своего отца, внося в нее, однако, много личной мелочности и нетерпимости (последний момент особо характерен для деятельности Констанция). При них были значительно увеличены привилегии официальной христианской церкви, усилены преследования еретиков и язычников. Источники изображают обоих императоров постоянно окруженными епископами, а Констанция кроме того усердно занимающимся решением богословских вопросов. Сам Констанций откровенно заявил в одном из своих эдиктов, что, по его мнению, «государство более поддерживается религией, чем повинностями, трудами или потом лица»¹.

С 350 года после смерти Константа, у власти остался один Констанций. Во время его правления в Римской империи почти непрерывно заседали церковные соборы: в 338—341 годах — в Антиохии, в 343 году — в Сардике (Софии), в 351 году — в Сирмии, в 353—355 годах — в Арле и Милане и т. д. С влиянием епископов на Констанция могло соперничать разве только влияние его придворных евнухов во главе с «начальником священной опочивальни» Евсевием.

При сыновьях Константина христианское духовенство окончательно превратилось в привилегированное сословие Римской империи. Были дополнены законы, осуждавшие его от несения государственных повинностей, постоя солдат и содержания проезжавших придворных. Духовным лицам разрешалось заниматься торговлей, не платя соответствующих налогов. Они были освобождены от обязанности доставлять подводы и вообще от всех видов государственной барщины. Наконец, Констанций безоговорочно снял с них тягость курialesного бремени.

Константин I проводил в этом вопросе двойственную политику, ограничивая доступ в духовное сословие богатым людям. Констанций же пошел дальше по пути уступок церкви. Он позволил всем свободно вступать в ряды еп служителей и, поскольку это звание избавляло от разорительного участия в куриях, оно стало особенно привлекательным для имущих общественных кругов. После Констанция уже почти невозможно заставить по посту епископов и других руководящих церковных должностных лиц выходцев из низших классов.

Усиленный приток богачей в состав христианского духовенства, при свободе последнего от курialesных повинностей,

¹ Codex Theodosianus XVI 2 6

Бронзовая медаль с изображением Константина. IV век нашей эры.

имел чрезвычайно вредные последствия для благосостояния империи. Упадок городских курий во второй половине IV века стал совершенно катастрофическим. В соответствии с уменьшением числа куриалов увеличивался тяготевший над ними фискальный гнет. Речи Либания: «О патронах», «К антиохийскому селату» и «К императору о куриях»¹ — свидетельствуют о полном развале муниципального самоуправления. По словам Либания, в антиохийской курии до Константина было шестьсот членов, а через несколько десятилетий после него не осталось и шестидесяти.

В кричащем противоречии с разорением массы населения империи находилось непрерывно возрастающее при христианских императорах материальное могущество высшего духовенства. Известный своей беспристрастностью историк конца IV века Аммиан Марцеллин с едким сарказмом вскрывает причины, побуждавшие клириков добиваться главных епископских кафедр. «Видя великолепные условия жизни в Риме, — пишет он, — я готов понять, почему люди, стремящиеся к (епископскому) сану, должны добиваться этой цели с таким крайним напряжением всех своих сил. Достигнув этого сана, они будут иметь возможность благополучно обогащаться добровольными приношениями матрон, носить роскошные одежды, раз'езжать в экипажах и задавать пиры, которые по своей пышности превзойдут царские»².

Идя далее своего отца в шокровительстве официальной церкви, сыновья Константина опередили его и в ревностном преследовании инакомыслящих.

Положение еретических сект: манихеев, валентианиан, монтанистов, новациан, — несогласных с учением официальной христианской церкви, было весьма тяжелым. Все они подвергались, как правило, систематическим преследованиям. Еще Константин I решительно объявил: «Еретикам же

мы не только не намерены давать каких-либо привилегий, но считаем нужным применить к ним репрессивные меры»³. При сыновьях же его у религиозных общин, не признанных официальной церковью, отнимались земли, закрывались их молитвенные дома, а последователям наиболее опасных, с точки зрения господствующего класса, сект, как например манихеям, даже угрожалась смерть.

В 347—349 годах император Константин жестоко разгромил зародившееся еще в начале IV века социально-религиозное движение донатистов. Эта секта, названная так по имени своего главного руководителя Доната, образовалась в римской Африке; она вела борьбу против местного высшего духовенства, обвиняя его в недостаточной преданности христианским идеалам. Донатисты пред'являли своим противникам главным образом моральные упреки — в изнеженности, лености, корыстолюбии, — но по существу это было разоблачение эксплуататорской природы господствующей церкви.

Не удивительно, что под влиянием донатистов вскоре подпали демократические элементы африканских провинций, называвшие себя «агонистиками» («борцами») или «воинами христовыми» (*milites christi*), а во враждебных им кругах более известные под именем «циркумцеллионов», так как, будучи лишены пристанища, они «бродили вокруг деревенских жилищ» (*circum cellas rusticanas vagantur*). Их ряды пополнялись либо беглыми рабами и колонами либо разоренными, потерявшими свои дома мелкими собственниками. Стихийная классовая ненависть агонистиков к эксплуататорам нашла себе религиозное оправдание в учении донатистов.

Агонистики стремились осуществить христианские идеалы равенства и справедливости не в погустороннем мире, а здесь, на земле. Они активно выступали за рабов против господ, за должников против кредиторов и вообще за угнетенных про-

¹ Libanius «Orationes», XLVIII, 3, 4.

² Аммиан Марцеллин, XXVII, 3, 14.

³ Codex Theodosianus, XVI, 5, 1.

тив угнетателей По свидетельству Оптата и Августина, агонистики вторгались в чужие имения, жгли там долговые расписки и давали свободу рабам; бедняки могли получить у них пищу, а богачам приходилось, по их приказанию, вертеть жернова на мельницах и т. п. Так «своим судом и властью» агонистики «меняли положение господ и рабов»¹.

Император Константин, под властью которого находилась римская Африка, убедившись в невозможности подавить движение донатистов-агонистиков местными силами, отправил туда многочисленное войско под начальством Павла и Макария — «двух слугителей божьих», как с благодарностью назвал их карфагенский епископ Грат, или «двух бестий», как называли их в народе. Путем кровавых расправ, казней и ссылок в Африке было восстановлено внешнее спокойствие, но искры революционного пожара продолжали здесь тлеть вплоть до V века, когда они снова вспыхнули ярким пламенем в период вторжения вандалов.

Еще более резко изменилось к худшему при сыновьях Константина положение язычников. Сам Константин, насколько нам известно, закрыл только четыре языческих храма и предпочитал воздействовать на своих бывших единоверцев не преследованиями, а увещаниями. Старый император понимал, что язычество еще имело приверженцев в господствующем классе, и не находил нужным раздражать их проявлением религиозной нетерпимости. Наследники Константина заняли в деле защиты христианства позицию более воинственную. Констанций и Константин издали ряд законов о закрытии языческих храмов и прекращении жертвоприношений. Если первые враждебные действия Констанция против язычников смягчались специальными оговорками, то затем он окончательно вступил на путь религиозного террора. Так, в 356 году было категорически предписано наказывать тех, кто приносит жертвы языческим богам, смертной казью. Сравнивая отношение к язычеству Константина и его сыновей, Либаний делает вывод, что последние, «получив от отца искру нечестия, раздули ее в настоящий пожар. Тот онял у храмов богатства, а эти срыли самые храмы и совершенно уничтожили священные обычаи»².

Верность языческим богам в период официального торжества христианства в Римской империи характерна преимущественно для тех элементов общества, которые имели

основания предпочитать старые формы жизни новым, установившимся при доминанте и освещенным христианской церковью. До нас дошло немало сочинений образованных язычников IV—V веков, отражавших настроения этих консервативных кругов. Наибольший интерес из них представляют речи Либания, исторические труды Аммиана Марцеллина и Зосима, биография Эвнания и письма Симмаха. Авторы названных произведений были большей частью либо средними собственниками, тесно связанными с разорявшимся сословием куриалов, либо оппозиционно настроенными аристократами.

Их симпатии к старине и недовольство современными порядками вызывались различными причинами. Если для языческого сенатора Симмаха самым неприятным было уменьшение прежнего престижа Рима, потерявшего роль руководящего центра империи, то Либаний, Аммиан Марцеллин и Зосим отмечают несравненно более знаменательные симптомы кризиса античного мира: они жалуются на упадок когда-то процветавших городов, на невыносимый гнет налогов, на чудовищный рост военно-административного аппарата, на бессилие римского государства в борьбе с варварами, на общее замирание политической активности населения. Для язычески настроенных умов все эти печальные для них факты были неразрывно связаны с победой христианства и поражением язычества. Оплакивая старые общественные порядки, они, естественно, оплакивали вместе с ними и старую религию.

В суждениях языческой интеллигенции можно обнаружить много горькой правды, но классовая природа этой интеллигенции не позволила ей обратиться к народным массам с призывом к революционной борьбе ее идеалы лежали не впереди, а позади. Тот же Либаний и его единомышленники с готовностью прибегали к вмешательству императорской власти, если им приходилось сглаживаться с противодействием собственных рабов или холопов. Оппозиция образованных язычников была оппозицией консервативной, разлагавшейся частью эксплуататорского класса античного общества. Одни ее элементы, более гибкие и удачливые, постепенно приспособлялись к новому строю жизни; другие, напротив, теряли свое последнее достояние, опускались на социальное дно. В обоих случаях перемена общественно-экономического бытия неизбежно приводила к переменам в религиозном сознании. Те, кто вступал в ряды правящего меньшинства, естественно, примыкали также и к господствующей религии; остальные же становились в большинстве случаев по-

¹ Optatus «De schismate Donatist» I III c 4

² Libanius «Orationes», LXII, 8

следователями каких-либо еретических сект.

Исторически древнее язычество было уже обречено на полное исчезновение. Однако в IV веке этот процесс еще далеко не завершился, и в Римской империи оставался еще многочисленный социальный слой, мечтавший о возрождении как своего прежнего благосостояния, так и своих верований. Теряя экономическую силу и не имея опоры в народных массах, представители этого слоя могли рассчитывать лишь на благоприятную для них перемену политики верховной власти — на воцарение императора-язычника. Поэтому после смерти Константина их надежды обратились к младшему представителю царствующего дома, опальному принцу Флавию Клавдию Юлиану.

3

Юлиан и его брат Галл, едва избежав трагической участи своих родственников, казнённых в 338 году по тайному приказанию Констанция, жили много лет в качестве узников, под строгим надзором императорских агентов. Их положение изменилось лишь в 350 году, когда Констанций был вынужден начать войну с убийцей своего западного соправителя Константа, узурпатором Магнещием. Перед тем как двинуться на Запад для защиты своих династических прав, Констанцию пришлось освободить из заключения последних членов правящей фамилии и назначить старшего из них, Галла, своим наместником (цезарем) на Востоке. Для Юлиана наступила тогда пора относительной свободы. Он стал с увлечением изучать философию и все известные в то время науки, сперва в Константинополе, затем в культурных центрах Малой Азии: Нико-медии, Пергаме и Эфесе.

Впечатлительный, необычайно восприимчивый, молодой человек подпал под влияние философской школы неоплатоников¹, являвшейся главным идейным оплотом язычества. Лучшие представители этой школы во главе с Приском и Максимом Эфесским использовали естественно сложившуюся неприязнь Юлиана к Констанцию и его христианскому окружению для того, чтобы завербовать царственного юношу в число язычников.

Между тем Констанцию после почти четырехлетней борьбы удалось отделаться от Магнещия. Не имея более особой пуж-

ды в соправителе, он хитростью вызвал к себе в Милан ставшего ему подозрительным цезаря Галла и там без суда казнил его. Такая же расправа грозила и Юлиану, но у последнего нашлись заступники при дворе, особенно в лице хорошо относившейся к нему жены Констанция Евсевии. Юлиан предусмотрительно скрывал свои языческие симпатии, а его страстная любовь к книгам, казалось, говорила об отсутствии у него политического честолюбия. Поэтому Констанций согласился во второй раз оставить Юлиану жизнь и, вместо того чтобы послать его на плаху, разрешил ему уехать для завершения своего образования в Афины.

Но последний период занятий Юлиана продолжался только три месяца. Констанцию снова понадобилось назначить «цезаря», теперь уже для борьбы с германскими племенами, алеманами и франками, опустошавшими Галлию. Сам Констанций решил возвратиться на Восток, где угрожали войной персы. Кроме Юлиана у него больше не было родственников, а возводить в достоинство цезаря постороннее лицо значило подрывать престиж династии. Да и совершенно незнакомый с военными делами Юлиан, казалось, не мог сделаться политическим соперником Констанция. Таким образом воспитанник языческих философов был неожиданно для себя назначен в ноябре 355 года на пост правителя западных областей империи.

Однако еще большей неожиданностью явилось для всех то обстоятельство, что погруженный в науки книжник, который, став полководцем, сам иронически называл себя «оседланной короной»², блестяще справился с порученными ему задачами. По единогласному признанию современников и всех позднейших историков, Юлиан обнаружил в боях с германцами качества поистине великого полководца. За пять лет своего управления Галлией он не только очистил ее от врагов, но и подчинил Риму все варварские племена, жившие по правому берегу Рейна.

Успехи Юлиана возбуждали в общественных кругах империи самые противоположные чувства. При дворе Констанция они сеяли страх и подозрения, а в сердцах его противников — надежду на скорую перемену режима.

О том, какими принципами будет руководиться Юлиан в качестве верховного главы государства, можно было отчасти судить уже по его административной деятельности в Галлии. Будучи здесь только цезарем, всецело подчиненным старшему императору, августу Констанцию, Юлиан,

¹ Неоплатонизм — философское направление, возникшее в III веке нашей эры и объединявшее учение Платона с мистическими верованиями древневосточных народностей.

² Ammianus Marcellinus, XVI, 1, 5.

Золотая медаль с изображением Юлиана.
IV век нашей эры. Венский музей.

тем не менее, сумел существенным образом изменить режим предоставленных ему провинций. Прежде всего при нем радикально уменьшилось налоговое бремя населения. По свидетельству Аммиана Марцеллина, он сократил в Галлии поземельную подать с двадцати пяти золотых с облагаемой единицы до семи¹. Вместе с тем Юлиан запретил несправедливые льготы (индальгенции) богатым лицам при распределении налогов, взяв под свою специальную защиту интересы низших категорий плательщиков.

В этом вопросе Юлиану, естественно, пришлось столкнуться с возражениями служащих государственного аппарата. Претфект претория Флоренций категорически заявил, что после якобы тщательной проверки он убедился в дефицитности нового бюджета и потребовал, чтобы педимки по поземельной подати были пополнены экстренными взысканиями. Однако Юлиан с цифрами в руках доказал, что утвержденная им общая податная сумма «не только покрывает необходимые расходы на содержание армии, но даже превышает их»². Поэтому он не разрешил производить никаких экстренных взысканий, считая их явным вымогательством. Флоренций обратился тогда с жалобой на цезаря к Констанцию, но на запрос последнего Юлиан с почтительной твердостью ответил, что «следует радоваться, если и без того разоренные провинциалы аккуратно выплачивают необходимые подати, и не доводить их до крайности непосильными надбавками»³.

Охраняя широкие слои мелких и сред-

¹ Ammianus Marcellinus XVI 5, 14

² Ibidem, 4.

³ Ibidem, 5.

них землевладельцев от произвола бюрократии и жадности богатей, Юлиан блестяще достиг в Галлии заметного подъема народного благосостояния. В полном согласии с Аммианом Марцеллином Либаний говорит, что благодаря Юлиану, там «наполнились курии, возросло население, ожили промыслы и увеличились доходы»⁴.

Но если население Галлии восторженно сравнивало Юлиана с «солнцем, засиявшим над их страной после черной ночи»⁵, то Констанций и его приближенные видели в растущей популярности цезаря лишь угрозу своему владычеству. К началу 360 года император принял решение ослабить Юлиана и потребовал, чтобы тот уступил ему свои лучшие войска. Но галльские солдаты не захотели уходить на Восток. Привыкнув к своему победоносному молодому вождю и не желая покидать родную землю, которую они только что освободили от варваров, они подняли бунт против императорского приказа и единодушно провозгласили Юлиана августом. Это означало разрыв с Констанцием и неизбежную междоусобную войну.

После недолгих колебаний Юлиан принял предложенную ему верховную власть. Ему удалось легко завладеть Италией и Иллирией, а вскоре он узнал, что Констанций, готовясь к борьбе с ним, внезапно умер. В декабре 361 года Юлиан имел возможность без пролития крови вступить в качестве общепризнанного властелина Римской империи в Константинополь.

Такая развязка конфликта объясняется тем, что у правительства Констанция было очень мало убежденных сторонников. «Если бы пришлось решить спор оружием, — высказывает свое мнение Либаний, — исход дела не изменился бы. Конечно, была бы пролита кровь, но ее было бы немного, и она лилась бы недолго. Ведь, кроме тех сотен, которые были подкуплены лестью, каждый воин чувствовал себя заодно с Юлианом»⁶.

Молодой император прославил себя работами о населении Галлии, а подданные Констанция жестоко страдали от продажных чиновников и ненасытных сборщиков налогов, которые, по меткому замечанию Аммиана Марцеллина, доставляли своему государю «больше несправедливости, чем денег»⁷. Юлиан победоносно воевал с грозными германскими племенами, а Констанций умел побеждать только внутренних врагов, возмущая римский патриотизм своей крайне неудачной внешней политикой. Наконец, Констанция не любили за его религиозную

⁴ Libanius «Orationes», XVIII, 80—81

⁵ Ammianus Marcellinus, XVI, 5, 14

⁶ Libanius «Orationes» XIII, 37

⁷ Ammianus Marcellinus, XXI, 16, 7.

нетерпимость, от которой страдали не одни язычники, но и многие христиане, толковавшие по-иному чем придворный клир отдельные толматы. Между тем о тайном язычестве Юлиана знали только его близкие друзья, вследствие чего оно не могло оттолкнуть от него христианские массы.

4

Юлиан на троне римских августов представляет собой очень своеобразную фигуру. Историческая наука занималась им главным образом как реставратором язычества, как борцом с христианской религией в политике и литературе. Гораздо слабее освещен вопрос о социальной сущности его мероприятий, о тех практических интересах, которые были объективно связаны с его религиозными убеждениями. Восстанавливая культ языческих богов, Юлиан надеялся восстановить вместе с ним процветание городов, активную деятельность курий и общее благосостояние свободного населения империи. Идеалы Юлиана были воплощены в прошлом, о котором он судил по сочинениям своих любимых эллистических поэтов и философов. Конечно, Юлиан не думал уничтожать эксплуататорских основ разлагавшегося античного общества. Но он отрицательно относился к современным ему формам общественной жизни. Чувства Юлиана в большей или меньшей степени разделялись многочисленными представителями гибнувшего класса мелких и средних собственников, занимавшего промежуточное положение между бесправными, немущими низами и правящими верхами. Как и Юлиан, они ненавидели бездушную бюрократию, хищных богачей и лицемерное высшее христианское духовенство. Как и Юлиан, они мечтали о смягчении социального неравенства, о защите мелкой собственности против крупной, о «справедливой власти». Идеология и политика Юлиана, по существу, выражала интересы именно класса мелких и средних собственников.

Но ходом истории чаяния этого класса осуждены были на полное крушение. Происходившая в рабовладельческом обществе концентрация земельной собственности в руках крупнейших рабовладельцев неминуемо приводила к гибели класс средних собственников. И деятельность Юлиана не могла остановить, а тем более изменить этот исторический процесс.

Христианская церковь залеймила Юлиана прозвищем «отступника». Но сам Юлиан с негодованием называл отступниками христиан, отрекшихся от веры отцов — язычества. Основным принципом своей деятельности он искренно считал благоволение к древней религии и всем освященным ею традициям.

Став императором, Юлиан немедленно приказал вновь открыть языческие храмы и возратить им их имущество, которым большей частью уже завладела служители христианского культа. Последние должны были либо отдать захваченное либо возместить его стоимость. Вместе с тем христианское духовенство лишилось и всех своих недавно полученных привилегий, обеспечивавших ему господствующее положение в обществе. Не удивительно, что церковники стали называть Юлиана гонителем, хотя он не только никому не мешал исповедывать свои религиозные взгляды, но даже вернул из ссылки изгнанных его предшественниками еретиков, за которыми точно так же были признаны права на похищенное у них имущество. Таким образом, получилось, что христианские секты, страдавшие от притеснений своей единой церкви, должны были благодарить за предоставленную им возможность легального существования никого иного, как императора-язычника.

Единственным законом Юлиана, ущемлявшим гражданские права христиан, можно признать лишь его запрещение противникам официальной религии преподавать в государственных школах.

Юлиан вел борьбу с христианством главным образом путем разоблачения его в своих литературных трудах и реорганизации языческого жречества. Коронованный неоплатоник написал ряд богословских сочинений, в том числе специальную полемическую книгу «Против галилеян», как он пренебрежительно называл христиан. После смерти Юлиана эта книга была уничтожена, и до нас дошли лишь ее отрывки, главным образом из первой части.

Христианская религия рассматривается здесь как поздняя, извращенная разновидность иудаизма, который, по Юлиану, в свою очередь, далек от правильного понимания божественных истин. Юлиановская критика христианства свидетельствует не только о серьезном религиозно-философском образовании автора, но и о глубоком моральном возмущении, которое вызывали в нем современные ему последователи Христа. Пламенными словами производит он им свой обвинительный приговор: «Вы разрушаете храмы и жертвенники и убиваете не только тех, кто остался верен религии отцов, но даже разделяющих с вами ваши убеждения, если они кажутся вам еретиками, так как чтут мертвеца иным способом, чем вы... Крещение не излечивает ни проказы, ни лишаяев, ни бородавок, ни подагры, ни дизентерии, ни водянки, ни паронихии, никакого телесного недуга, большого или малого, но оно якобы исце-

ляет прелюбодеяние, грабежи и вообще все болезни души!»¹.

Но при всей своей ненависти к христианству Юлиан не мог не признать за его руководителями больших организаторских способностей и их влияния на массы. Поэтому реставратор язычества горячо убеждал своих первосвященников использовать христианские методы пропаганды, особенно настаивая на практике благотворительности. «*Нозор нам,—писал Юлиан великому жрецу Галатии Арзакнию,—что у иудеев нет нищих, а несчастные галилеяне кормят не только своих бедняков, но и наших, которым мы не оказываем необходимой помощи!*»². И, по приказанию Юлиана, государство и частные лица должны были доставлять храмам специальные средства на содержание бедноты.

Не менее отрицательно чем к церкви Юлиан относился к другому оплоту поздней империи — многочисленному чиновничеству. В первые же дни своего царствования он уволил тысячи придворных должностных лиц. Им было также сильно сокращено количество секретарей и служащих сыскной полиции (*agentes in rebus*). По отзывам современников, Юлиан избавил этими мерами государственную казну от бесполезных расходов, а население — от хищных вымогателей.

Разрушая громоздкий дворцовый аппарат, уничтожая царское величие, поражавшее взоры простого народа, молодой император не задумывался над тем, что, с точки зрения правящих кругов, он «унижал престиж верховной власти». Идеалом государя был для Юлиана не надменный деспот эпохи домината, а скромный, доступный народу вождь. Характерно, что он не позволял называть себя «господином». Сам он обычно употреблял в разговоре со всеми людьми обращение «друг» (*εταίρε*). Враг деспотизма и бюрократии, Юлиан всячески стремился возродить политическое достоинство сената и муниципальных курий.

Современники Юлиана, одни с насмешкой, другие с уважением, подчеркивают, что вопреки установившейся практике он не вызывал сенаторов к себе во дворец, а сам посещал их заседания, позволяя им сидеть в своем присутствии. Для укрепления ссыловия декуррионов Юлиан решительно отменял привилегии, освобождавшие многих состоятельных лиц от курialesных повинностей. Таким способом ему удалось, например, включить в состав антиохийской курии новых членов, что, безусловно, облегчало гнет тяготевшего над курialesми податного прессы.

¹ Julian «Contra christian», 206A, 245D.

² Julian «Epist». 49, 430D.

Нужно заметить, что как раньше, в качестве цезаря, так и затем, будучи августом, Юлиан заботился не только о более равномерном распределении государственных поборов, но и об абсолютном уменьшении их. Известно, что он ввел пониженный оклад податей, отказался от традиционных подарков, которые должны были делать города по случаю вступления на престол нового императора, прощал недоимки.

Юлиан выступил против коммерческих спекуляций богачей, скупавших в голодные годы хлеб и наживавшихся на общей нужде. Во время его пребывания в Антиохии, перед началом персидского похода, народ встретил Юлиана жалобами на богачей: «*У них есть все, но все чрезмерно дорого!*»³. Принятые императором энергичные меры для снабжения антихийцев хлебом и продажи его по твердой цене вызвали серьезный конфликт между ним и жадными торговцами.

Вообще можно заметить, что если при воцарении Юлиана у него почти не было недоброжелателей, то за время своего короткого царствования он возбудил против себя недовольство очень влиятельных элементов. Его непримиримыми врагами сделались христианское духовенство, высшее чиновничество и многие богатые граждане, интересы которых были им ущемлены. Характерно, что даже представители средних социальных кругов, интересы которых объективно защищал Юлиан, далеко не во всем поддерживали своего вождя. Например Аммиан Марцеллин порицал его за отмену привилегий отдельным лицам, освобожденным от несения курialesных повинностей, а Либаний — за введенные им в Антиохии твердые цены. По мнению Аммиана Марцеллина, император доходил до крайностей в своем демократическом образе жизни и в преданности богам.

26 июня 363 года Юлиан был убит в ожесточенной схватке с неприятелем, сражаясь как всегда с беззаветной храбростью.

Смерть Юлиана положила конец его попытке остановить силами верховной власти вытесненный распад античного мира. Последующие императоры снова вернулись к методам управления Константина и его сыновей. Либаний красноречиво говорил о том, кому следовало больше всего сожалеть о гибели Юлиана. «*О, несчастные земледельцы,—восклидал он,—как жестоко будут терзать вас теперь сборщики податей! О, мощь курий, уже падающая, скоро ты окончательно превратишься в призрак! О, правители городов, погибнет ваше дело!.. О, волли угнетаемых бедняков, теперь вы будете напрасно сотрясать воздух! О, солдаты, вы потеряли своего последнего*

³ Julian «Misopogon». 368C.

вождя, который ел с вами в походах одинаковую пищу!»¹.

Из всех перечисленных Либаием социальных группировок только армия представляла собою сколько-нибудь организованную силу. Но пока солдатская масса оплакивала Юлиана, командный состав поспешил провозгласить нового государя, который начал свое царствование неметленными заключением мира с персами. Войска, обрадованные возможностью возвратиться на родину, молчаливо санкционировали выбор своих командиров, а повый август — Иовиан, — озабоченный главным образом укреплением неожиданно доставшейся ему власти, без боя уступил неприятелю ряд восточных провинций империи. Мечты Юлиана о восстановлении прежнего блеска римской державы теперь окончательно погибли. Его преемники, как и его предшественники, нуждались в оружии главным образом для борьбы с внутренними врагами.

Иовиан был у власти только несколько месяцев. Он умер в 364 году на пути в Константинополь. На его место командные круги армии избрали полководца Валентиниана (364—375), который, взяв на себя управление западными областями империи, передал власть на Востоке своему брату Валенту (364—378). Период царствования Валентиниана и Валента был временем окончательного восстановления старых порядков. Христианская церковь, разумеется, получила обратно все свои привилегии.

Положение народных масс Римской империи после смерти Юлиана и до начала победоносного революционного движения рабов и варваров оставалось невыносимо тяжелым. Аммиан Марцелин с горечью замечает, что «могущественные люди» делали все, чтобы «не воспрянула, как во времена Юлиана, невинность»². Находясь под их влиянием, император Валент «ши-

роко раскрыл двери грабежам, которые усиливались со дня на день вследствие подлости судей и адвокатов; действуя заодно, последние продавали за деньги интересы простых людей командирам армии и придворным сановникам, наживая богатства и высокие звания»³.

Не лучше обстояло дело и на Западе. Аммиан констатирует и здесь «тяжкие бедствия подданных, губительные налоги, упадок крупных и мелких состояний»⁴.

На непрерывно возрастающий гнет население отвечало стихийными восстаниями. В первые годы правления Валентиниана и Валента константинопольская «чернь» примкнула к военному мятежу, организованному родственником Юлиана, Прокопием. Готовился бунт ссыльных в Британии. Вновь поднялись массы населения в Африке под руководством Фирма, «не желавшего долгие выносить грабежей и высокомерия военных чинов»⁵. Все эти выступления рабов и бедноты расшатывали государственный аппарат империи, хотя еще и не в состоянии были окончательно его сломать.

У поработанных низов римского мира имелись союзники в лице варварских народов. По верному замечанию Энгельса, «порядок (римского государства — Н. Р.) был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»⁶. Слившись с натиском варваров, революционное движение рабов вступило с момента восстания готов и угнетенных масс населения Мезии и Фракии в 376 г. в стадию своего завершения, когда оно вылилось в революцию рабов и колонов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин).

³ Ibidem, 2.

⁴ Ibidem, 5, 6.

⁵ Ibidem, XXIX, 5, XXX, 7, 10.

⁶ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 142, 1938.

¹ Libanius «Orationes», 17, 27.

² Ammianus Marcellinus, XXX,